

Посвящается Микке

День начался многообещающе. Проснулся он рано, прежде остальных членов семьи, и, максимально беззвучно одевшись, сумел выскользнуть на улицу незамеченным. Ему удалось также прихватить с собой рыцарский шлем и деревянный меч, которым он на бегу радостно размахивал все сто метров, отделявших дом от устья Королевского ущелья. Он на мгновение остановился и с почтением заглянул в скалистую расселину в центре горы. Ее края, отстоящие друг от друга на расстояние двух метров, вздымались на десятки метров к небу, где как раз начинало всходить летнее солнце. Посередине горного ущелья навеки зависли три огромных валуна, представлявших впечатляющее зрелище. Для шестилетнего мальчика это место обладало магической притягательной силой, и тот факт, что ходить в Королевское ущелье ему было запрещено, отнюдь не делал ущелье менее заманчивым.

Свое название ущелье получило после того, как Фьельбаку в конце девятнадцатого века посетил король Оскар II, но мальчик этого не знал, да его это и не волновало, когда он медленно пробирался в тень с деревянным мечом, готовый к нападению. Зато отец рассказывал ему, что сцены из Адского провала в фильме про Ронью, дочь разбойника¹, снимали в Королевском ущелье, и, когда он сам смотрел фильм, у него чуть больше захватывало дух при виде того,

¹ По повести шведской пистальницы Астрид Линдгрэн.

как предводитель разбойников Маттис скачет по ущелью на коне. Иногда он играл здесь в разбойников, но сегодня был рыцарем. Рыцарем Круглого стола, как в большой красивой книге с цветными картинками, которую ему подарила на день рождения бабушка.

Он прокрался через покрывавшие землю каменные глыбы и приготовился к отважному нападению на огромного огнедышащего дракона. Летнее солнце в ущелье не попадало, отчего оно превращалось в холодное и темное место. Идеальное для драконов. Скоро его стараниями из горла дракона хлынет кровь, и после затяжной смертельной схватки тот упадет замертво к его ногам.

Тут что-то замеченное боковым зрением привлекло его внимание. За большим камнем виднелся кусок красной ткани, и любопытство взяло верх. Дракон может подождать. Он разбежался, запрыгнул на камень и посмотрел за него. В первое мгновение он чуть не скатился назад, но, несколько секунд покачавшись, размахивая руками, сумел вновь обрести равновесие. Потом он не признается, что испугался, но тогда, в тот момент, он напугался сильнее, чем за всю свою шестилетнюю жизнь. Там лежала какая-то тетенька и подкарауливала его. Она лежала на спине, пристально глядя на него широко раскрытыми глазами. Первой мыслью было убежать, пока тетенька не поймала его, догадавшись, что он играет здесь, хотя ему запретили. Она, возможно, заставит сказать, где он живет, и потащится с ним домой к маме и папе, которые очень рассердятся и станут спрашивать, сколько раз они говорили ему, что в Королевское ущелье ходить без взрослых нельзя.

Но, как ни странно, тетенька не шевелилась. К тому же на ней не было одежды, и он на мгновение смутился от того, что стоит и смотрит на голую тетеньку. Тем красным куском, что он усмотрел, оказалась не материя, а лежавшая совсем рядом с тетенькой сумка, но никакой одежды он нигде не видел. Лежать здесь голышом странно. Ведь очень холодно.

Потом ему в голову пришла невероятная мысль: тетенька, наверное, мертвая! Никакого другого объяснения тому, что она лежит так неподвижно, он придумать не мог. Это заставило его спрыгнуть с камня и медленно попятиться к устью ущелья. Отступив от мертвой метра на два, он развернулся и со всех ног бросился домой. Его больше не волновало, отругают его или нет.

* * *

От пота простыня прилипла к телу. Эрика повертелась в постели, но найти удобное положение для сна оказалось невозможным. Светлая летняя ночь тоже не способствовала сну, и Эрика в тысячный раз подумала о необходимости купить темные занавески и повесить их или, вернее, заставить Патрика.

Его довольное посапывание безумно раздражало. Как хватает наглости тихонько храпеть, когда она ночь за ночью не спит! Это ведь и его ребенок. Разве ему не следовало бы не спать из солидарности или чего-нибудь в этом роде? Она легонько толкнула его в надежде, что он проснется. Ни малейшего шевеления. Толкнула сильнее. Он забурчал, натянул на себя одеяло и повернулся к ней спиной.

Эрика со вздохом легла на спину, скрестила руки на груди и уставилась в потолок. Живот вздымался вверх, как большой глобус, и она попыталась представить себе плавающего в нем в темноте ребенка. Возможно, с большим пальцем во рту. Хотя все это по-прежнему казалось слишком нереальным для того, чтобы у нее в голове возникли изображения младенца. Она была на восьмом месяце, но все еще не могла свыкнуться с мыслью, что в животе находится ребенок. Ну ладно, в ближайшем будущем это станет слишком реальным. Эрика разрывалась между желанием и страхом. Было трудно заглянуть дальше родов. По правде говоря, в настоящий момент ей было трудно посмотреть дальше проблемы не иметь возможности

спать на животе. Она взглянула на светящиеся цифры будильника. Четыре сорок две. Может, лучше зажечь свет и немного почитать?

Спустя три с половиной часа, по прочтении плохого детектива, она уже собралась вылезти из постели, но тут пронзительно зазвонил телефон. Она привычно протянула трубку Патрику.

— Алло, это Патрик, — невнятным, сонным голосом пробормотал он. — Да, конечно... вот черт... да, я могу добраться туда через пятнадцать минут. Тогда увидимся там. У нас тревога. Мне надо бежать, — сказал он, повернувшись к Эрике.

— Но ведь ты в отпуске. Неужели это не может взять на себя кто-нибудь другой? — Она слышала, что ее голос звучит капризно, но проведенная без сна ночь хорошему настроению не способствовала.

— Это убийство. Мелльберг хочет, чтобы я подключился. Он тоже выезжает.

— Убийство? Где?

— Здесь, во Фьельбаке. Утром маленький мальчик нашел в Королевском ущелье мертвую женщину.

Патрик стал поспешно одеваться. Его задачу облегчало то, что была середина июля и требовалось лишь набросить легкую летнюю одежду. Прежде чем выбежать за дверь, он залез на кровать и поцеловал Эрику в живот, где-то в районе того места, где, ей слабо припоминалось, раньше у нее находился пупок.

— Пока, малыш. Не огорчай маму, а я скоро вернусь.

Он поспешно поцеловал ее в щеку и убежал. Эрика, вздыхая, выбралась из постели и надела одну из тех палаток, которые теперь служили ей единственной одеждой. Вопреки всему разумному она прочла множество книг о младенцах, и, по ее мнению, всех пишущих о полной радости жизни беременных следовало вывести на площадь и выпороть. Отсутствие сна, боли в суставах, растяжки на животе, геморрой, потливость и вообще гормональные нарушения — это ближе к действительности. И никаким вну-

тренним светом она, черт возьми, не горит. Бормоча, Эрика медленно спустилась по лестнице и устремилась к первой за день чашке кофе. Ей хотелось надеяться, что кофе немало улучшит настроение.

* * *

Когда прибыл Патрик, на месте уже царила лихорадочная деятельность. Устье Королевского ущелья огородили желтым скотчем, и он насчитал три полицейские машины и «Скорую помощь». Криминалисты из Уддеваллы уже всю работу сделали, и он по опыту знал, что заходить на место преступления нельзя. Это ошибка новичков, что, однако, не помешало его начальнику, комиссару Мелльбергу, расхаживать среди криминалистов. Те с отчаянием смотрели на его обувь и одежду, привносивших в этот момент тысячи волокон и частиц на их уязвимое рабочее место. Когда Патрик остановился перед лентой и помахал Мелльбергу рукой, тот, к их большому облегчению, перешагнул обратно через заграждение.

— Привет, Хедстрём.

В его голосе чувствовалась сердечность, чуть ли не радость, и Патрик вздрогнул от удивления. На мгновение он вообразил, что Мелльберг собирается его обнять, но, слава богу, это оказалось лишь тревожным ощущением. Человека словно подменили! Патрик пробыл в отпуске не больше недели, а стоящий перед ним мужчина был действительно не тем человеком, которого он покинул мрачно сидевшим за письменным столом и бормотавшим, что отпуск следовало бы отменить как явление.

Мелльберг с энтузиазмом пожал Патрику руку и хлопнул его по спине.

— Ну, как у тебя дома обстоят дела с насадкой? Скоро кто-то появится?

— Говорят, только через полтора месяца.

Патрик по-прежнему не мог понять, что послужило причиной этих проявлений радости со стороны Мелльбер-

га, но, отбросив любопытство, постарался сосредоточиться на поводе, по которому его сюда вызвали.

— Что вы обнаружили?

Мелльберг с явным усилием удалил с лица улыбку и показал в сторону тенистых недр ущелья:

— Мальчишка лет шести выскользнул из дома пораньше, пока родители спали, и собирался поиграть среди валунов в рыцаря. Вместо этого он нашел мертвую женщину. Нам позвонили в четверть седьмого.

— Сколько времени криминалисты уже осматривают место преступления?

— Они прибыли час назад. Первой приехала «Скорая», и врачи сразу подтвердили, что какие-либо медицинские меры неактуальны, а потом криминалистам предоставили свободу действий. Знаешь, они несколько капризные... Я собирался просто зайти взглянуть, а они повели себя, я бы сказал, очень невежливо. Ну да ладно, если целыми днями ползаешь с пинцетом в поисках волокон, наверное, становишься немного щепетильным.

Теперь Патрик снова узнавал своего начальника. Понимались более свойственные Мелльбергу нотки. Впрочем, Патрик по опыту знал, что пытаться менять его представления не имеет смысла. Легче просто впустить это в одно ухо и выпустить через другое.

— Что нам о ней известно?

— Пока ничего. Навскидку лет двадцать пять. Единственный предмет одежды, если это можно так назвать, — сумка, в остальном же совершенно голая. Кстати, у нее довольно классные сиськи.

Патрик закрыл глаза, мысленно повторяя, как заклинание: «Ему недалеко до пенсии. Ему недалеко до пенсии...»

— Непосредственная причина смерти не видна, но ей довольно крепко досталось, — невозмутимо продолжал Мелльберг. — По всему телу синяки, и присутствуют раны — похоже, ножевые. Да, еще она лежит на сером одеяле. Патологоанатом уже здесь и осматривает ее, так что

можно надеяться, скоро получим предварительное заключение.

Патрик увидел, что команда вокруг женщины приготовилась осторожно переместить ее в мешок для транспортировки трупа. На руки и ступни в соответствии с правилами уже надеты мешочки, чтобы сохранить возможные следы, и криминалисты из Уддеваллы привычно взаимодействуют, чтобы опустить женщину в мешок наилучшим образом. Потом им предстоит еще поместить в пластиковый пакет одеяло, на котором она лежала, чтобы позже его тщательно обследовать.

По изумленному выражению их лиц и тому, как они вдруг застыли, Патрик понял, что произошло нечто неожиданное.

— В чем дело?

— Вы не поверите, но тут лежат кости. И два черепа. Судя по количеству костей, я бы сказал, что оно как раз соответствует двум скелетам.

Лето 1979 года

По пути домой в ночь праздника летнего солнцестояния ее изрядно мотало на велосипеде из стороны в сторону. Празднование получилось несколько более бурным, чем она предполагала, но это не имело значения. Она ведь взрослая и может поступать как хочет. Главное, что ей удалось ненадолго избавиться от ребенка. От малышки с ее криками, жаждой ласк и требованием чего-то, что она не способна ей дать. Ведь это из-за малышки ей по-прежнему приходится жить с матерью, и старуха почти не выпускает ее из дома, хотя ей двадцать лет. Прямо чудо, что сегодня вечером ее отпустили на праздник.

Не будь у нее ребенка, она сейчас уже могла бы жить самостоятельно и зарабатывать собственные деньги. Могла бы уходить из дома, когда захочет, и возвращаться, когда заблагорассудится, и никого бы это не касалось. Но с ребенком такое невозможно. Больше всего ей хотелось куда-нибудь отдать девочку, но старуха не соглашалась, а расплачиваться приходилось ей. Раз уж матери так хотелось этого ребенка, могла бы ведь и заботиться о нем сама?

Старуха порядком рассердится, когда она прикатит домой под утро. От нее несет алкоголем, и за это наверняка придется завтра расплачиваться. Впрочем, это того стоило. Так весело ей в последний раз было еще до рождения малышки.

Она проехала прямо через перекресток возле бензоколонки и еще немного дальше по той же дороге. Потом свернула

налево, в сторону Брекке, правда, ее чуть не занесло в канаву. Велосипед снова выправился, и она увеличила скорость, чтобы дополнительно разогнаться перед первой крутой горкой. Светлая летняя ночь была абсолютно безветренной, но встречный воздушный поток развеивал ей волосы. Она на мгновение закрыла глаза и подумала о той светлой летней ночи, когда немец зачал ей ребенка. Та ночь была прекрасной и запретной, но не стоила той цены, какую ей пришлось заплатить.

Внезапно она снова открыла глаза. Что-то заставило велосипед резко остановиться, и последним, что ей запомнилось, была приближающаяся к ней со страшной скоростью земля.